

ХАНС-ГЕОРГ ГАДАМЕР О ПРИРОДЕ ЯЗЫКА: ПРОЕКТ ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКИ

Е. И. ЖУК¹⁾

¹⁾Белорусский государственный университет, пр. Независимости, 4, 220030, г. Минск, Беларусь

Выявляются концептуальные основания проекта феноменологической герменевтики в философском творчестве Х.-Г. Гадамера. Реализация поставленной цели позволила обосновать роль гадамеровского учения о языке в становлении одной из самых значимых аппликаций современной феноменологии – феноменологической герменевтики, позволяющей не только прояснить связь языка и мышления, но и вскрыть его онтологический статус. Новизна проведенного исследования заключается в выявлении и системной реконструкции узловых моментов осмысления феномена языка – смыслополагания, истолкования, intersубъективности, диалога – как концептуальной матрицы, задающей теоретический каркас феноменологической герменевтики. Генетически связанная с феноменологией Э. Гуссерля и М. Хайдеггера феноменологическая герменевтика Х.-Г. Гадамера, в свою очередь, становится эвристической моделью для историко-философского анализа и систематизации феноменологических исследований языка как одного из фундаментальных феноменов человеческого бытия.

Ключевые слова: феноменологическая герменевтика; Х.-Г. Гадамер; язык; речь; смыслополагание; понимание; intersубъективность; диалог; Другой.

HANS-GEORG GADAMER ON NATURE OF LANGUAGE: A PROJECT OF PHENOMENOLOGICAL HERMENEUTICS

К. И. ЖУК^a

^aBelarusian State University, 4 Niezaliežnasci Avenue, Minsk 220030, Belarus

This article deals with revealing the conceptual foundations of project of phenomenological hermeneutics in philosophical works by H.-G. Gadamer. Attaining this goal allows to substantiate the role of Gadamer's study of language in the formation of one of the most significant applications of contemporary phenomenology – phenomenological hermeneutics, which provides not only the clarification of connection between mind and language, but also the revelation of ontological status of language. Novelty of this work lies in the identification and system reconstruction of the key points of understanding of the phenomenon of language – positing of meaning, interpretation, intersubjectivity, dialogue – as conceptual matrix that defines the theoretical «frame» of phenomenological hermeneutics. Genetically linked to phenomenology of E. Husserl and M. Heidegger, Gadamer's phenomenological hermeneutics, in its turn, becomes a heuristic model for analysis within history of philosophy and for systematization of phenomenological studies of language as one of the fundamental phenomena of human being.

Key words: phenomenological hermeneutics; H.-G. Gadamer; language; speech; positing of meaning; understanding; intersubjectivity; dialogue; the Other.

Образец цитирования:

Жук ЕИ. Ханс-Георг Гадамер о природе языка: проект феноменологической герменевтики. *Журнал Белорусского государственного университета. Философия. Психология.* 2019;1:39–47.

For citation:

Zhuk KI. Hans-Georg Gadamer on nature of language: a project of phenomenological hermeneutics. *Journal of the Belarusian State University. Philosophy and Psychology.* 2019; 1:39–47. Russian.

Автор:

Екатерина Ивановна Жук – аспирантка кафедры философии культуры факультета философии и социальных наук. Научный руководитель – кандидат философских наук, доцент Е. В. Беляева.

Author:

Katsiaryna I. Zhuk, postgraduate student at the department of philosophy of culture, faculty of philosophy and social sciences.
zhuke93@gmail.com

Введение

На протяжении всей истории западной философии проблема языкового выражения отношений человека с миром сущего не раз становилась предметом исследования различных мыслителей. Особое значение она приобретает на рубеже XVIII–XIX вв., в творчестве романтиков и В. фон Гумбольдта, приведя в XX в. к лингвистическому повороту в философии. Этот пристальный интерес к языку был обусловлен кризисным состоянием новоевропейской культуры, потребовавшим переосмысления всех устоявшихся определений и стереотипов, поиска новых оснований реализации и самоосмысления человеческого Я. Опираясь на феноменологические разработки Э. Гуссерля и М. Хайдеггера, включавшие в себя и исследования языка, Х.-Г. Гадамер выстраивает собственную концепцию интерпретации языка, называемую философской, или, как ее характеризуют современные исследователи, феноменологической герменевтикой (В. С. Малахов, И. Н. Инишев). Феноменологическая герменевтика Х.-Г. Гадамера, несомненно, является одной из важнейших составляющих вышеописанного процесса и одним из самых ярких явлений новейшей философии. Концепция немецкого мыслителя может быть реконструирована с опорой на различные основания, но, на наш взгляд, тема взаимосвязи языка и мышления является стержневой. Как отмечает Х.-Г. Гадамер, наше мироотношение по сути своей является языковым, так как мы истолковываем мир в языке. Человек утверждает самого себя через постоянную актуализацию смысла сущего

в языке. Само существование языка определяется его способностью быть пространством осмысления мира.

В контексте настоящей работы язык и мышление рассматриваются не как некие абстрактные понятия, а как феномены человеческого бытия, в том числе принадлежащие конкретному человеку, который всегда существует в социуме, т. е. в диалоге с Другим. Только в диалоге становится возможным и реально осуществляется понимание, без которого общение вырождается в бессмысленную «болтовню».

В условиях современного информационного общества, когда общение переходит в формат виртуальной реальности, способность к подлинному разговору и пониманию собеседника, умение услышать Другого предстает как острая необходимость.

Целью настоящей статьи является выявление концептуальных оснований проекта феноменологической герменевтики в философском творчестве Х.-Г. Гадамера. Она реализована посредством постановки и решения следующих задач:

- обоснование смыслополагания как специфической характеристики человеческого бытия в мире;
- содержательная реконструкция проблемы истолкования мира в философии Х.-Г. Гадамера;
- раскрытие интерсубъективной природы языка;
- прояснение роли слова и речи в процессе актуализации смысла;
- экспликация определяющего значения диалога с Другим в понимании сути дела.

Материалы и методы исследования

Исследование построено на основе анализа основных трудов Х.-Г. Гадамера, таких как программная работа «Истина и метод» и ряд статей, посвященных феноменам языка, понимания и диалога. Для реализации поставленной цели в статье использованы

метод историко-философской реконструкции, позволивший не только определить концептуальные основания и специфику философии Х.-Г. Гадамера, но и встроить его теорию в историко-философский контекст, и собственно герменевтический метод.

Смыслополагание как специфика человеческого бытия в мире

В работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер, вслед за В. фон Гумбольдтом, разделяет два пространства человеческого бытия, именуя их «окружающий мир» и просто «мир». Он пишет о разделении этих понятий: мир ставит перед собой в языке человек, а окружающим миром обладают все живые существа. Окружающий мир может существовать без человека, для человека же он необходим как среда существования. Окружающий мир, по Гадамеру, предстает как целостный, но при этом неотделим от видов, в которых являет себя. Один из таких видов – наш «языковой» мир. Человек по отношению к явленному ему аспекту окружающего мира оказывается в герменевтической позиции: он истолковывает и понимает мир.

Особая позиция человека по отношению к окружающему миру обусловлена его погруженностью в пространство языка и мышления. Человеческое мышление, будучи всегда направленным на что-то, делает мир своим содержанием, осуществляя опыт осмысления мира. Для человека этот выхваченный мыслью смысл всегда выражен в языке. Среда языка является сферой выражения и передачи смысла мыслимого мира. Х.-Г. Гадамер пишет о том, что сам окружающий мир явил себя для человека в языковом аспекте. Сущее оказывается выраженным в языке именно для нас, людей: «Мы исходим из того, что в языковом оформлении человеческого опыта мира происходит не измерение или учет уже наличествующего, но обретает голос

само сущее в том виде, в каком оно в качестве сущего и значимого являет себя человеку» [1, с. 527]. Смысл выступает как то, что может быть понято и выражено, каждый из нас измышляет и проговаривает его. Таким образом, наше мышление является мышлением нашего мира, данного в языковом аспекте, оно маркирует исконно языковое отношение человека к миру. Мышление и язык выступают как общее пространство актуализации и трансляции смысла сущего, в чем проявляется специфика и уникальность человеческого существа.

На основании всего сказанного можно сделать вывод о том, что человек тогда выделяется из окружающего мира, когда в мышлении и языке начинает происходить смыслополагание сущего. С этих

пор смысл сущего выражает себя не только в существовании миров и живых существ, но также в мысли и слове. Следовательно, пространство смысла как бы удваивается, когда в окружающий мир вступает человек. Если человек – часть сущего, то можно сказать, что сущее мыслит и проговаривает само себя устами людей. Очевидно, что окружающий мир поворачивает себя иной стороной именно к человеческому существу, для которого являет себя как мир, подлежащий истолкованию. Таким образом, уникальность человеческой сущности как таковой выражается в принципиальной возможности и необходимости быть транслятором смысла сущего. Человек, схватывая смысл мира, проговаривает его сущность и утверждает самого себя в качестве мыслящей и говорящей части сущего.

Проблема истолкования мира

Именно среда, образуемая мышлением и языком, становится пространством утверждения смысла сущего и собственно пространством жизни человека. Погруженность в эту среду наделяет человека особой свободой от окружающего мира. Мы ставим мир перед собой и стремимся схватить его смысл, понять мир. Утверждая онтологическую связь языка и мышления, Х.-Г. Гадамер также называет понимание исконно языковым феноменом, о чем пишет в работе «Язык и понимание», исследуя «молчаливое согласие» и «схватывание с полуслова». Х.-Г. Гадамер отмечает: «Надо признать: понимание и согласие первичны по отношению к непониманию; для того, чтобы воссоздать разрушенное понимание, мы должны этим пониманием располагать» [2, с. 47]. Также первично для нас говорение: «Между тем если кто-то лишается дара речи, это значит, что он хочет сказать так много, что не знает, с чего начать. Отказ языка служить нам свидетельствует о его способности искать выражение для чего бы то ни было, а сама утрата дара речи есть уже некоторый вид речи; эта утрата не только не кладет конец говорению, но, напротив, позволяет ему осуществиться» [2, с. 44]. Даже фраза «лишиться дара речи» отсылает к феномену речи как к базису нашего понимания. К выражению в языке стремиться все, точнее, человек пытается собрать мир в слово. Х.-Г. Гадамер пишет, что язык есть «всеобъемлющая предвосхищающая истолкованность мира и в этом смысле ничем не заменим» [3, с. 29].

Стремление мышления к называнию раскрывает его неразрывную онтологическую связь с языком. Х.-Г. Гадамер признает существование доязыковых и языковых феноменов: «...слишком хорошо известно, что непосредственная затронутость миром очень часто выражается во всевозможных до- и языковых озарениях, немотствованиях, умолчаниях, и кто будет отрицать, что реальные условия человеческой жизни, голод и любовь, труд и власть,

в свою очередь, отмеряют пространство, в котором совершаются разговор друг с другом, слушание друг друга. Это настолько бесспорно, что как раз всякая такого рода пред-оформленность человеческих речей и полаганий требует герменевтической рефлексии» [4, с. 13]. Заговаривая о до- и языковых озарениях, Х.-Г. Гадамер тем самым называет их в языке. Мышление стремится вобрать в языковое выражение даже опыт, приходящий к нам в до- и в языковых феноменах. Мы стремимся назвать и истолковать все и делаем это в среде языка. То, что нельзя высказать мышление все же стремится сделать высказанным, оно пытается осмыслить невыразимый в словах опыт, называя таинство таинством, а загадку загадкой. Языковое мироотношение не запирает человека в определенные рамки, но предоставляет путь к пониманию мира и разговору о нем. Ограниченность, т. е. наличие определенных границ, предполагает, что эти границы постоянно смещаются и преступаются. Однако язык – почва нашего мироотношения, мы никогда окончательно не рвем связь с ним.

Язык есть пространство, в котором мир являет себя человеку и людям в целом. Х.-Г. Гадамер пишет: «В языке становится видимой та действительность, которая возвышается над сознанием каждого отдельного человека» [1, с. 520]. Мы не безумцы, которые не слышат друг друга, выстраивая утопический мир конституирующего сознания, нам открыто пространство диалога, в котором договаривание о мире различных людей ведет к полноте явленности мира человеку.

Определенная степень свободы по отношению к мыслимому миру, которая обретается нашим мышлением в смыслополагании, является необходимой характеристикой мышления. Х.-Г. Гадамер пишет об И. Канте как об открывателе этой необходимости: «Усмотрев в свободе уникальный факт разума, то есть продемонстрировав, что без постулата сво-

боды практический разум человека, а значит и его нравственное и общественное бытие, не могут быть помыслены, Кант, вопреки всем детерминистским тенденциям тогдашней науки, показал законность и оправданность мышления под знаком свободы» [2, с. 47]. Мышление связывает нас с миром, поскольку оно всегда мыслит мир, и язык предстает как пространство свободной трансляции смысла сущего.

Интерсубъективная природа языка

Отличается ли моя речь о мире от речи Другого? О какой индивидуальности может идти речь при необходимой погруженности в среду языка? Если язык каждого по-своему схватывает смысл сущего, то каким образом возможен диалог между людьми? Как соотносятся глобальный феномен языка и множество национальных языков и диалектов? Все эти вопросы затрагивают сферу практического бытия языка в целом и множество национальных языков как пространство человеческого истолкования мира. Единство человеческой сущности необходимо указывает на универсальность языкового феномена. Однако как язык являет себя в истории сменяющихся поколений, являясь принадлежностью каждого конкретного человека? Язык и мышление дают свободу от окружающего мира, являясь принадлежностью каждого человека и не становясь собственностью никого в отдельности.

В работе «Истина и метод» Х.-Г. Гадамер подчеркивает не только языковость человеческого отношения к миру, но и исконную человечность языка. Для человека связь с языком является необходимой, язык нуждается в человеке как в существе, придающем смысл существованию языка. Каждый конкретный человек осуществляет себя в сфере языка. Оживая в человеческой речи, язык всегда «мой», «твой», «его» или «ее». Для речи важен человек, важна конкретность случая: «Предположим, я говорю “здесь”. Это “здесь” не будет понято в силу лишь факта его произнесения или записи, для понимания необходимо знать, где это “здесь” имело или имеет место» [2, с. 57]. Существование множества национальных языков и принадлежность конкретного человека к пространству определенного языка также указывают на значение индивидуального контекста. Нахождение общего языка в беседе возможно, но язык, на котором говорит и мыслит конкретный человек, остается его языком, существующим тем не менее в целостном культурном контексте, т. е. в языке наличествует возможность договориться с Другим о сути дела. Однако личный контекст не менее значим, так как язык является не столько присвоенным из культурного контекста, сколько «исходящим» из человека. Смысл, проговоренный в конкретной речи, зависит от обширного культурного контекста и от локального контекста конкретного мышления.

Итак, мир выступает как явленный человеку в языке, как представленный человеку, и, таким образом, как освобождающий человека: «Поэтому можно сказать так: отношение к миру человека в противоположность всем другим живым существам характеризуется как раз свободой от окружающего мира. Эта свобода включает в себя языковое строение. Одно связано с другим» [1, с. 514].

В то же время Х.-Г. Гадамер подчеркивает интерсубъективность языка. Язык является универсальной средой человеческого истолкования мира, языковое мироотношение – уникальный феномен, общий для всего человечества. Относительность языка, которая проявляется в множественности национальных языков, не имеет решающего значения. Х.-Г. Гадамер в текстах ссылается на Гераклита и В. фон Гумбольдта, которые выдвигали положения о принципиальной общности языка. Х.-Г. Гадамер приводит слова Гераклита: «Слово языка общо для всех» [4, с. 14]. Иными словами, основополагающей в понимании языка как общечеловеческого феномена является общность его структуры, проявляющаяся в каждом из национальных языков. Назначение языка не зависит от его национальной специфики, он необходим каждому человеку, чтобы понимать и истолковывать мир.

Необходимая связь языка и мышления просвечивает сквозь их интерсубъективную природу, ибо они выступают как интерсубъективные феномены, характеризующее именно человеческое отношение к миру. Каждый человек, будучи погруженным в интерсубъективное пространство мышления и языка, участвует в актуализации смысла. Мышление всегда принадлежит конкретному человеку и тем не менее, как интерсубъективный феномен, – каждому из нас и никому в отдельности. Интерсубъективная природа присуща как мышлению, так и языку. То, что мыслится нами в языке, может быть вслух высказано Другому. Х.-Г. Гадамер цитирует Евангелие от Иоанна: «В начале было Слово, и Слово было у Бога, и Слово было Бог», подчеркивая тем самым свое видение онтологической значимости слова, его истинное бытие «в начале». Каждому отдельному человеку необходимо присущ дар речи, и все человечество в целом обладает языком. Значимостью наделяются как конкретные носители языковых и мыслительных процессов, так и всеохватывающий, всечеловеческий характер данных феноменов. Для выявления специфики человеческого бытия в окружающем мире важно то, что интерсубъективность языка и мышления связывает человеческое отношение к миру в единое целое.

Язык обладает ценностью и значимостью и как интерсубъективный феномен, и как национальный язык определенного человека, оживающий в кон-

кретной ситуации: язык каждого из нас обладает индивидуальностью, тем не менее мы можем вступить в беседу. Точно так же происходит и с национальными языками: носители различных языков способны договориться друг с другом, национальные языки взаимопроникаемы. Несмотря на общность всех локальных языков и их принадлежность к одному феномену, невозможно выделить у отдельного человека язык вообще, поскольку это всегда индивидуальный язык и язык какого-либо народа. Глобальное пространство языка следует понимать как совокупность бесконечного множества локальных языков, которые имеют различные атрибуты, сохраняя единую сущность. Принадлежность каждого из локальных языков конкретным людям не

меняет их способности быть средой выражения и трансляции смысла сущего. Каждый из нас вновь и вновь актуализирует смысл, каждый отдельный человек в своем собственном языке индивидуализирует смысл сущего, при этом говоря именно о мире и ни о чем другом. Человек не проговаривает весь смысл бытия: как его часть, человек актуализирует лишь долю смысла, которая открыта расширению в пространстве диалога. Эту возможность обеспечивает сфера языка, приемлющая в свое пространство понимания и договаривания каждый индивидуальный язык. Итак, в пространстве человеческого бытия в мире важен как индивидуальный характер языка, так и intersубъективный его аспект как послания Другому.

Роль слова и речи в процессе актуализации смысла

Как было сказано, язык, несмотря на множественность индивидуальных проявлений, имеет единую intersубъективную природу. Язык в практической жизни человечества выступает как чей-то конкретный язык, в котором выражена часть смысла сущего. Какие же средства выражают ее? В каких единицах языка звучит, записывается и «измеряется» выраженный смысл? Такие вопросы подводят нас к еще более конкретным формам жизни языка, чем национальные языки, к таким понятиям, как «слово» и «речь».

Язык не является просто инструментом, он – среда для осуществления понимания. Мы живем в этой среде, живем в традиции, которая непрерывно передается нам, но не только как текстовое предание, а как «сам же познаваемый в коммуникативном опыте мир» [4, с. 14]. Таким образом, очевидно, что отношение языка к миру является герменевтическим. Доказательством того, что язык – не просто некая заданная функция человека, служат постоянные языковые трансформации. Разнообразие проявляется во множестве национальных языков и своеобразных диалектов и в том, что ни один национальный язык не является устойчивым. Постоянные изменения, болезни и рост – все это присуще языку в целом и каждому национальному языку в частности. Х.-Г. Гадамер пишет: «В жизни языка без конца происходят едва заметные изменения: меняется его употребление, возникают и отмирают модные слова и языковые клише, и лучший способ отобразить крушение общества в кризисную эпоху – это наблюдать за изменениями языка, как это сделал, между прочим, Фукидид в своем знаменитом описании последствий чумы в осажденных Афинах» [2, с. 50]. Социум живет, меняется и развивается, следуя миллионами путей, то же происходит с окружающим миром и языком. Несмотря на то что человеческий язык, в отличие от окружающего мира, не существует без людей, Х.-Г. Гадамер отходит от понимания языка как извлекаемого че-

ловеком в нужной ситуации инструмента. Исследователь отмечает, что язык носит характер живого существа, многогранного и динамичного. Язык не приходит в жизнь человека одномоментно как подручный инструмент, но человек рождается в язык как в среду человеческого истолкования окружающего мира.

Рассматривая вопрос о смысловой единице языка, Х.-Г. Гадамер рассуждает о значимости отдельного слова и целостной речи. Он подчеркивает, что слово не должно восприниматься сугубо как материал для составления высказывания, ибо оно обладает полнотой смысла, не ограниченной узкими семантическими рамками. Применение слова в метафорическом смысле показывает, сколь широко возможности смысла, который оно несет в себе. Однако конкретное слово не может быть применимо в абсолютно любом значении. Расцветивший устоявшимися метафорами язык не становится бессмыслицей, но сохраняет некую связь слов, при этом освобождаясь от условностей грамматики. Х.-Г. Гадамер говорит о некоем пределе семантики, об области метафоры, где проявляются глубинные возможности языка в области варьирования смысла речи благодаря метафорическому употреблению слов. Так, в работе «Язык и понимание» философ пишет о том, насколько не подчиним язык логике высказываний. Автор пишет о весомости в языке, в речи каждого отдельного слова в противовес утверждаемой значимости осмысленного высказывания. Каждое слово – не просто кирпич в здании языка, а совершенно уникальная и невероятно значимая единица, при всей самостоятельности связанная с целой системой иных слов. Эта связь не бывает случайной, не подчиняется лишь воле конкретного говорящего. В переводах с одного языка на другой проявляется и уникальность, и связанность слов, рождающих смысл высказывания. При переводе нельзя указать первое приводимое в словаре значение, потому что целиком произнесенный

перевод предложения в конечном счете может показаться диким и неуместным. В каждом национальном языке отдельное слово вызывает в сознании носителей языка ряд ассоциаций. Достаточно попытаться перевести лишь одно слово – оно вызовет определенные ассоциации, продемонстрирует специфическую окраску и оттенки смысла в каждом национальном языке. Х.-Г. Гадамер даже выделяет слово как носитель определенной истины. Он пишет о том, что не стоит говорить об истинности или ложности слова в контексте его соответствия называемой вещи. Истина слова заключается в том, что весь его смысл раскрывается в звучании. Так, Х.-Г. Гадамер говорит «об абсолютном совершенстве слова, поскольку между его чувственно-зримым явлением и его значением не существует чувственной связи, а значит, и дистанции» [1, с. 477]. В таком смысле все слова истинны, а то, что мы можем назвать какую-либо вещь не своим именем, означает лишь неправильность употребления слова, а вовсе не его ложность. Опыт всегда находит слова для своего выражения, вещь обретает голос в конкретном слове: «Опыт нельзя представлять себе как поначалу бессловесный опыт» [1, с. 484]. Таким образом, не следует нивелировать бытие языка до бытия его как знака. Слово – всегда живое и необходимое слово национального языка, оно связано с множеством иных слов.

Способом существования слов выступает речь. Человеческая речь, в свою очередь, является актом непрерывного творчества. Язык развивается и обогащается, понятия обретают новые значения благодаря тому, кто говорит, «благодаря данному созерцанию конкретной реальности» [1, с. 497]. Речь является действительно важным концептом герменевтики Х.-Г. Гадамера и не сводится к набору взаимозаменяемых высказываний. Актуализируемый в речи смысл всегда содержится в речи как едином целом, а не является разбитым на части в отдельных фразах. В работе «Семантика и герменевтика» Х.-Г. Гадамер пишет о возможности замены высказывания синонимичным ему без изменения смыс-

ла. Тут же он указывает: «Однако мы вправе усомниться в справедливости этой субстанциональной теории применительно к смыслу речи – языковому феномену как целостности» [5, с. 62]. Поскольку чаще всего для нас важен смысл не отдельного высказывания, а транслируемой речи, нельзя забывать об индивидуальности языка говорящего как о контексте актуализации этого смысла. Наше мышление не дискретно, мы не мыслим единичными высказываниями, одно выражение сразу же отсылает к другому, мысли внутренней речи словно текут. В связи с этим надо упомянуть, что Х.-Г. Гадамер характеризует язык как самозабвенный. Это вновь отсылает нас к пониманию значимости языка как естественной речи, а не только лишь системы четко определенных понятий. Иными словами, прояснение употребленных понятий бывает необходимо, когда «либо помогает раскрыть сокрытие, происходящее из-за отчуждения, одеревенелости языка, либо заставляет разделить языковую нужду, достичь необходимой напряженности в осмыслении чужой мысли» [3, с. 36]. Когда же говорим мы сами, язык актуализируется в нас особым способом – в говорении, в речи. Для нас естественным является непрерывающееся послание, при этом набор дискретных, отрефлексированных понятий противоестественен. Х.-Г. Гадамер пишет: «Внутри слова – вот на самом деле способ, каким мы говорим» [3, с. 36]. Течение беседы не прерывается ежеминутной рефлексией над каждым сказанным словом, оно наполнено стремлением к передаче смысла речи как целого.

Язык оживает в конкретных речах, но никто в одиночку не контролирует речь: «Способ бытия языка – речь, говорение, а говорящие – это все мы, хотя и не один из нас в отдельности» [2, с. 58]. Конкретный человек важен в говорении, но постоянно звучащая речь творится человечеством. Отдельное слово весомо в языке, но он оживает во множестве соединенных в речи слов. Пространство языка невероятным образом сочетает в себе необходимость и значимость единичного и единого.

Понимание сути дела в диалоге с Другим

Речь является способом бытия слов и именно в целостной речи актуализируется смысл. Речь всегда обращена к кому-то, а именно к Другому. Человек социален и ему необходим Другой как инакомыслящий. Коммуникация с Другим, по Гадамеру, направлена на достижение понимания по поводу сути дела, составляющей смысл, являемый нам миром в его языковом аспекте. Наше желание вступить в диалог может быть обусловлено тем, что мы хотим передать помысленное о сути дела Другому, который всегда незримо присутствует в нас. Помысленное мной и помысленное Другим преобразуется в беседе в новый актуализированный смысл сущего. Наше мыш-

ление актуализирует смысл, в беседу же мы вступаем с целью вывести наш смысл на новый уровень – уровень смысла беседы, в которой само сущее оживает в процессе договаривания о сути дела. Опыт контакта с миром выражается нами в языке, будучи доступным для Другого, дабы актуализировать суть дела в диалоге как в некоей конечной точке нашего истолкования окружающего мира. Таким образом, мир, истолкованный нами в языке, может нести через нас свою вочеловечившуюся истину.

Каким образом возможен для нас диалог с Другим? Мир подлежит пониманию, осуществляемому в среде языка, и, как явленный в языке, разделим

с Другим. Именно эта предзаданность открывает возможность связи с Другим, которому мир также явлен в языке. Хотя невозможно проникнуть в мышление Другого, мы в состоянии вступить в диалог. Таким образом, мыслимые нами миры взаимопроницаемы. В разговоре как бы предстоят друг другу два мира, что открывает большую возможность расширения индивидуальности, нежели монолог: «Значит, разговор с другим, согласие другого с нами, его возражения, его понимание и непонимание значают расширение нашей индивидуальности – это всякий раз испытание возможной общности, на которое подвигает нас разум» [6, с. 86]. Язык, в сфере которого осуществляется понимание, постоянно оживает в нас и для нас в процессе беседы, когда каждый нацелен на слушание и понимание речи Другого. Мы вступаем в беседу с Другим как с еще одним живущим в среде языка транслятором смысла сущего: «Межчеловеческая общность поистине строится на диалоге, после чего вновь погружается в молчание понятости и самопонятости» [2, с. 48]. Диалог возможен благодаря стремлению и усилиям каждого из говорящих. С достижением понимания утихает диалог и устанавливается молчание понятости, но необъятное количество проблем, преследующих человечество, пробуждает беседу вновь и вновь.

Диалог возможен не только с современниками, но и с текстом исторического предания, в котором на протяжении всей человеческой истории традируется смысл. Историческое предание является не просто мертвым текстом, оно передается, чтобы быть истолкованным. Историческое выступает предтечей пониманию: понято может быть то, что подлежит истолкованию. Понимание всегда должно осуществляться по поводу сути дела, т. е. в нем должен актуализироваться смысл сущего. Текст,

открытый истолкованию, есть своего рода Другой. Историческое предание всегда несет нам язык как речь, а значит, несет и смысл. Х.-Г. Гадамер пишет, что при истолковании текста мы, как и в беседе, стремимся к усилению смысла сказанного, т. е. осуществляем понимание не позиции автора текста или собеседника, а именно смысла. Этим вновь подчеркивается важность языка как среды постоянной актуализации смысла сущего.

Если человек помыслит возможность диалога с Другим, то диалог станет возможным, так как наш язык уже способен быть посланным Другому. По Гадамеру, «кто говорит на языке, понятном ему одному, не говорит вообще» [5, с. 63]. Сочетание способности к разговору с желанием договориться о сути дела есть ключ к решению герменевтической проблемы, к нахождению общего языка: «Общий язык разыгрывается между говорящими – они постепенно “сыгрываются” и могут начать договариваться, а потому и тогда, когда различные “взгляды” непримиримо противостоят друг другу, нельзя отрицать возможность договориться между собой» [4, с. 14]. К созданию пространства диалога Я и Другого побуждает окружающий мир, полный проблем, по поводу способа решения которых необходимо договариваться с присутствующим рядом Другим. Мыслимые Я и Другим смыслы преобразуются в пространстве общего языка в смысл беседы, в которой осуществляется понимание по поводу сути дела. Это позволяет утверждать, что понимание происходит в языке, что в нем выражена суть дела и что он связывает Я и Другого. Постоянный диалог необходим каждому человеку как пространство обретения взаимопонимания с Другим и как способ утверждения своей сущности через актуализацию смысла мира.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить и провести системную реконструкцию основных содержательных блоков гадамеровской теории языка как концептуальной матрицы проекта феноменологической герменевтики. В результате данной реконструкции мы приходим к следующим выводам.

Специфика человеческого бытия, в отличие от иных живых существ, обусловлена существованием человека в языковом аспекте окружающего мира. Окружающий мир, как среда обитания всех живых существ, являет себя человеку как мир, данный в языке, что дает возможность проговаривания смысла сущего. С появлением человеческого существа смысл окружающего мира получил возможность транслироваться не только через реальное бытие предметов и живых существ, но и через среду языка. Подобное смыслополагание осуществляется именно человеком, что определяет его как мыслящую

и говорящую часть сущего. Мышление и язык онтологически связаны друг с другом, поскольку смысл, постигаемый мышлением, мыслим и выразим только в языке. Лишь онтологическая связь мышления и языка создает пространство выражения и трансляции смысла сущего, что, по сути, означает создание среды, в которой человек утверждает собственную сущность.

Актуализируя смысл сущего в сфере языка, человек становится в позицию истолкователя мира, т. е. мир, данный человеку именно в языке, подлежит интерпретации. Проговаривание человеком смысла сущего связано с пониманием этого мира, осуществляемым в языке. Принципиальная языковость понимания обусловлена онтологической связью языка и мышления, что объясняет постоянное стремление мышления к называнию и к диалогу с Другим. Понимание мира осуществляется

каждым человеческим существом, не предполагая выход за рамки языковой сферы. Однако такое условие не является неким ограничителем для человека, ибо позиция истолкователя обуславливает свободу человека от окружающего мира. Человек не просто впущен в окружающий мир, как другие живые существа, но понимает его посредством истолкования в языке. Человек включен в особый опыт общения с миром, который всегда представляет собой процесс понимания. Всякий раз осуществляется понимание конкретной части сущего конкретным человеком. Вся совокупность таких процессов необходимо разворачивается в сфере языка, где реализующий понимание человек утверждает свою сущность свободного интерпретатора мира. Фактически языковое отношение к миру дает нам возможность свободно и самостоятельно интерпретировать и актуализировать смысл сущего, что делает нас совершенно особой частью мира.

Каждый конкретный человек является самостоятельным интерпретатором мира, следовательно, язык, исходящий от каждого из нас, индивидуален и самобытен. Тем не менее это всегда язык, принадлежащий пространству национального языка. Каждый национальный язык включен в некую общую языковую сферу, в которой существует принципиальная возможность договаривания о сути дела. Мы не можем выделить у отдельного человека некий язык вообще, тем не менее пространство такого языка существует: оно включает в себя все множество национальных языков, исходящих от каждого человека. Интерсубъективная природа языка, связующая человеческое сообщество и предоставляющая возможность ведения диалога, всегда сочетается с конкретностью индивидуального языка. Осуществляющий понимание мира человек актуализирует часть смысла сущего на своем языке, являющемся проницаемым для языка другого человека. Смысл сущего звучит в языке каждого из нас и в то же время актуализируется в пространстве договаривания о нем, в процессе беседы. Таким образом, одинаково важны и необходимо сосуществуют и индивидуальный, и интерсубъективный контексты языка.

Язык, который доступен каждому и не принадлежит никому в отдельности, подобен живому существу. На протяжении своего исторического развития язык претерпевает постоянные изменения, осуществляемые в речи отдельного человека или конкретного народа. Структура языка вбирает в себя слова, которые не являются просто искусственными знаками, они обладают полнотой смысла. Слово, не подчиненное отдельному человеку, тем не менее обладает связью с контекстом употребления. Слово обусловлено конкретной ситуацией и обретает определенный смысл для слушающего,

связанного с данным контекстом реальности. Также само слово задает некий контекст, вызывая немедленные ассоциации с целым рядом иных слов. Таким образом, слово является весьма значимой единицей языка, не подчиненной человеку полностью. Как и язык в целом, слово не является индивидуальной собственностью. Простое собирание слов в предложение, как это может происходить при переводе с иностранных языков, не означает действительное обретение смысла. Необходимо восстановление целостной речи, которая и является пространством выражения смысла. Речь, следовательно, есть реальный способ существования языка как пространства актуализации смыслов. Цельность речи и происходящий в ней процесс постоянного творения понятий и контекстов как раз и означают конструирование смысла. В механически созданном наборе слов отсутствует смысл. Только живая, целостная, самобытная человеческая речь становится пространством трансляции понятого смысла сущего.

Такой понятый смысл не является лишь частным смыслом отдельного человека, он, как выделенный из мира, может быть воспринят каждым из людей. Речи не направлены в пустоту, они всегда адресованы понимающему Другому. Общечеловеческий контекст языка и мышления позволяет создавать пространство диалога. Именно в диалоге мы связаны с Другим, возникающий общий язык выражает новый смысл, творимый именно в данной беседе. Таким образом, смысл сущего находит новое проявление в диалоге Я и Другого. Речь каждого в беседе преобразуется: она включается в общий контекст и становится языком беседы. В данном языке осуществляется не понимание Другого, а некое новое понимание смысла мира, сути дела, о которой и нужно договориться. Сущность человека заключается в утверждении понятого им смысла сущего, и пространство диалога позволяет каждому при помощи Другого вызвать к жизни и проговорить еще некую часть смысла. Суть дела, произносимая в диалоге, является звучащим смыслом мира и тем самым способствует проявлению индивидуальности и сущности каждого участника диалога. Человек утверждает самого себя в беседе, он подтверждает свой статус свободного истолкователя мира, понимающего и возглашающего смысл сущего.

Таким образом, базовые понятия философии Х.-Г. Гадамера – «смыслополагание», «истолкование», «речь», «диалог», «интерсубъективность», «Другой» – могут рассматриваться как концептуальные основания проекта феноменологической герменевтики, что в последствии позволит провести историко-философскую классификацию и систематизацию феноменологических исследований языка.

Библиографические ссылки

1. Гадамер Х-Г. *Истина и метод: основы философской герменевтики*. Журинская МА, Земляной СН, Рыбаков АА, Булова ИН, переводчики. Москва: Прогресс; 1998. 704 с.
2. Гадамер Г-Г. Язык и понимание. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 43–60.
3. Гадамер Г-Г. История понятий как философия. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 26–43.
4. Гадамер Г-Г. Философия и герменевтика. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 9–15.
5. Гадамер Г-Г. Семантика и герменевтика. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 60–71.
6. Гадамер Г-Г. Неспособность к разговору. В: Гадамер Г-Г. *Актуальность прекрасного*. Москва: Искусство; 1991. с. 82–92.

References

1. Gadamer H-G. *Wahrheit und Method. Grundzüge einer philosophischen Hermeneutik*. Tübingen: Mohr; 1960.
Russian edition: Gadamer H-G. *Istina i metod: osnovy filosofskoi germenevtiki*. Zhurinskaya MA, Zemlianoi SN, Rybakov AA, Burova IN, translators. Moscow: Progress; 1998. 704 p. Russian.
2. Gadamer H-G. [Language and understanding]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 43–60. Russian.
3. Gadamer H-G. [Conceptual history as philosophy]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 26–43. Russian.
4. Gadamer H-G. [Philosophy and hermeneutics]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 9–15. Russian.
5. Gadamer H-G. [Semantics and hermeneutics]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 60–71. Russian.
6. Gadamer H-G. [The incapacity for conversation]. In: Gadamer H-G. *Aktual'nost' prekrasnogo* [The relevance of the beautiful]. Moscow: Isskusstvo; 1991. p. 82–92. Russian.

Статья поступила в редколлегию 05.11.2018.
Received by editorial board 05.11.2018.